

Л.М. Лукьянова [Перевод с латинского, комментарий]

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА ¹

Диалоги на военную тему из трактата

« О средствах против превратностей судьбы» (1354-1364)

Предисловие.

Десять диалогов из первой книги трактата Петрарки и пять диалогов из второй прежде не переводились на русский язык и не публиковались. Они являются собой очередной цикл переводов с латинского, которыми много лет занимается Л.М. Лукьянова.

Диалоги поражают своей актуальностью и созвучностью проблемам нашего времени. Они будут чрезвычайно важны для любого исследователя, который занимается проблемами военной истории, истории ренессансного гуманизма.

Перевод снабжен подробным и тщательно выполненным комментарием.

Н.И.Девятайкина.

Книга I. Диалог 97

О вооружённом войске

Как саранча на полях пожирает вокруг всё живое,

Так же и орды врагов кровли огню предают.

Радость. Войско я имею.

¹ Перевод выполнен при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 07-01-00548а.

Разум. Было бы удивительно, если бы за царской и императорской властью не следовало войско – несчастье всегда следует за несчастьем. Даже Сенека поднимает до небес Сципиона Африканского. Но не потому что тот предводительствовал большим войском (такими же войсками, бывало, руководили и люди безумные и преступные), Сенека восхвалял исключительную умеренность Сципиона, хотя, несомненно, командование войском никогда не способствует умеренности, а чаще всего её уменьшает или вовсе лишает(1). Добродетель редко может быть настолько непоколебимой, чтобы её не ослабило великое множество преступлений и постоянное пребывание среди кровавых извергов.

Радость. Большое я имею войско.

Разум. Значит, ты проводишь жизнь в военном лагере. Ведь войско не в городе пребывает и гражданские лица не проживают совместно с вооружёнными солдатами.

Радость. Я имею храбрейшее войско.

Разум. Следовательно, имеешь горючий материал для войны и несёшь гибель миру. Если ты этому радуешься, то не достигнешь града небесного.

Радость. Я имею огромное войско.

Разум. Значит, ты имеешь под боком вооружённых врагов, которых от тебя не отделяют ни стены, ни вал; это рискованно и опасно.

Радость. У меня много сильных легионов.

Разум. Нелегко перечислить их мерзости, их заносчивость и приносимое ими беспокойство – ты знаешь всё это по опыту. Тебе намного безопаснее было бы жить одному, чем в окружении множества легионов. Никакие правонарушения, никакое вероломство, никакие жестокости не могут сравниться с лагерными нравами. Ты сам поймёшь, насколько верен стишок, известный даже мальчишкам:

Нет благочестья и веры в мужах, прибывающих в лагерь.(2)

Радость. Я господин и правитель большого войска.

Разум. Безопаснее, пожалуй, быть пастухом тигров и медведей. Сердца диких зверей можно укротить, а человеческие - нельзя. Звери, прежде чем напасть, предупреждают об угрозе, а человеческая ненависть выливается внезапно. Те, кого ты считаешь своими, кто называет тебя господином, увы! изменчивое и продажное племя – причём продадут за небольшую плату. Они могут изменить своё отношение к тебе по самым легкомысленным поводам и превратиться из твоих солдат в твоих врагов. Дружелюбные лица примут зверский вид, а протянутые к тебе руки, возможно, собираются стать орудием твоей гибели. И если это произойдёт, оно не будет ни новым, ни необычным. За время пребывания Юлия Цезаря у Плацентии, случился тот страшный мятеж, когда против него поднялось собственное войско. Об этом рассказывают: «Этот мятеж не смог утратить полководца. Цезарь со своей невероятной выдержкой и мужеством подавил всякое волнение и, наказав зачинщиков, привёл войско к повиновению.»(3)

То же самое сделал у Антиохии римский принцепс Александр и прекрасно поступил.(4) Но не спеши радоваться: вскоре он всё-таки был убит и не кем иным, как собственными солдатами.

А ещё раньше таким же образом погиб Пертинакс, а позже – два Максимиана, отец и сын. Так же погибли и Бальбин, и Максим, и Проб, и добропорядочнейшие братья Грациан и Валентин: один был убит своими легионами, другой – своим провожатым.(5) Бесчисленное множество других военачальников, не побеждённых врагами, так же погибло от рук собственных солдат. Они называли солдатами тех, которые оказались их палачами.

Так что смотри, чему ты радуешься. Войско, грозное и беспощадное, «многоголовый зверь», как выразился известный поэт(6), решится на всё, будучи ожесточённым злобой, алчностью или нуждой в чём-либо.

Радость. У меня огромное войско.

Разум. Именно величина войска Помпея , как говорит Флор, стала причиной его бегства в Фессалийском сражении (7) И почти во всех войнах большее войско бывало повержено, а меньшее одерживало победу.

Книга I, диалог 98

Об оснащённом флоте

Ветер – хозяин любых кораблей, какие ты строишь;
даже и в гавани ты не получишь надёжной защиты.

Радость. Я имею оснащённый флот.

Разум. А воздух оснащён ветрами, море – волнами и утёсами. Какое тебе дело до моря, сухопутное животное?

Радость. Есть у меня приготовленный флот.

Разум. А что ты скажешь о приготовленных бурях и кораблекрушениях? Ты радуешься своим опасностям, трудностям и безмерным расходам. Флот – самое дорогостоящее из всех ваших безумств.

Радость. Флот подготовлен.

Разум. Над ним имеет власть гнев неба и моря, его может рассеять и разломать внезапная буря. Не думать об этом, когда ты плывёшь по морю, глупо.

Разум. Я имею флот в море.

Разум. Мало вам опасностей принесла земля, так вы ещё теперь кинулись и в море. Вам не достаточно земли, откуда выкапывается приносящее вред железо и то, что (как говорит Назон) приносит ещё больший вред – золото.(8) Ужасно и то, что вы проникли в моря, чему первые люди только удивлялись. Там вы ищете трудностей и опасностей, и только там вы бодры и полны сил, а в остальном вы бездеятельны.

Радость С большим флотом я вошёл в море.

Разум. Подумай о выходе. Войти, конечно, легко. Обычно когда в море входит, оно тихое, а по мере удаления от берегов оно часто становится чудовищно страшным и опасным. А ты, рождённый среди людей, хочешь проводить жизнь среди дельфинов и тритонов – странное наслаждение ненасытной души.

Радость. Большой у меня флот и сильный.

Разум. А может, тебе было бы полезнее и безопаснее расставлять рыбацкие сети с маленькой лодочки или с твёрдого берега, чем с помощью вооружённого флота совершать насилие над другими народами? У многих превосходный флот породил преступную наглость и при этом мешал им возвратиться домой. Это узнали на опыте греки у горы Кафарей. лакедемоняне – у Аргинусских островов, афиняне - у сиракузского берега и карфагеняне – у Эгатских островов.(9)

Много опасностей несут флоту не только враги, но и само море. И, наконец, и без того существует множество способов умереть, а вы добавляете ещё один. О, слепцы! Вы расточаете жизнь, которую больше всего любите, и отовсюду кличете смерть, которой больше всего боитесь.

Книга I, диалог 99

Об осадных машинах и баллистах(10)

Кто был свирепым таким, что придумал это оружие

Гибель несущее многим народам и странам?

Радость. У меня есть осадные машины всякого рода.

Разум. И это безумие присуще правителям: иметь возможность причинять многим, чаще всего добрейшим людям, вред, когда захочешь. А вы ведь названы правителями и поставлены править людьми так, чтобы они почитали вас и любили, как родителей. Но некоторые, даже называемые отцами

отечества, делают всё наоборот, и у всех вызывают ужас и ненависть, словно палачи и разбойники.

Радость. У меня изобилие осадных машин, способных разрушать города.

Разум. Насколько лучше было бы иметь машины для постройки и укрепления городов. Ты, может, полагаешь, что разрушать более славное дело, и считаться Полиоркетом своего времени благороднее?(11) Но города не всегда можно разрушить с помощью осадных машин.

Когда Цезарь воздвиг очень большие башни против адуатиков, враги сначала стали презирать его, полагая, будто он собирается решать свои дела средствами непосильными для человеческих возможностей.(12) Когда же они увидели, что башни стали двигаться и направляться к стенам, их презрение сменилось оцепенением и страхом и, прекратив оборону города, они сдались.

А в гражданской войне военачальник самого Цезаря Брут воздвиг такие же башни у Массилии и внушил подобное оцепенение осаждённому, когда эти башни стали двигаться; но страха у горожан не было. Выйдя ночью из города, они подожгли башни и машины.(13)

Радость. У меня изобилие башен и осадных машин.

Разум. Почти всё, чем ты хвастаешься, имеет целью скорее причинить несправедливость другому, чем снискать благородство себе. Насколько было бы благороднее и достойнее человека иметь в изобилии не орудия жестокости, а орудия милосердия, с помощью которых ты мог бы выказывать доброе отношение к друзьям и тем, кто нуждается в тебе, а не нарушать общественный покой, штурмуя ни в чём не повинные города.

Радость. Я имею осадные машины, которые могут сокрушать скалы.

Разум. Крушить скалы это безумие.

Радость. Я имею бесчисленное количество осадных машин и баллист.

Разум. Удивительно, что у тебя ещё нет медных метательных снарядов, которые летят с ужасным воем, изрыгая пламя на стены города.(14)

Недостаточно гремящего с неба Божьего гнева, надо чтобы жалкий человечиска (о, жестокость, соединённая с гордыней!) ещё посылал громы с земли. Нельзя подражать молнии, как говорит Марон.(15) Молнии обычно посылаются с небес; а человеческое безумие изобрело молнии, которые посылают хотя и с помощью деревянного, но поистине адского орудия. Полагают, что оно было изобретено Архимедом, когда Марцелл осаждал Сиракузы.(16) Но Архимед придумал это для защиты свободы своих граждан или для отсрочки гибели родного города, а вы применяете такие машины для закабаления или уничтожения свободных народов.

Ещё недавно это орудие гибели было редким, и на него смотрели с огромным удивлением, а теперь сознание людей приучено к самому худшему и баллисты стали так же обычны, как и любой другой вид оружия.

Радость. У меня изобилие баллист.

Разум. Лучше у тебя было бы столько же ненависти к войне и стремления к миру. Как и всякое оружие, баллисты – свидетельство забот души беспокойной и низкой, не стремящейся к миру; оно презирается воинами с благородной душой. И в конце концов, знай следующее: тот, кто изобрёл баллисту, был или трусом, или изменником, или сильно хотел признания, или боялся врагов и думал, как говорит Лукан:

Издали натягивать лук

и куда бы ни хотели нанести раны, наносили их ветрам.(17)

Считай, что то же самое сказано о любом метательном оружии. Храбрый воин желает сойтись с врагом, а стрелок врага избегает.

Книга I, диалог 100

О накоплении сокровищ

Кто собирает богатства, чтоб гнусности делать,

верь мне, нескоро ещё в царство Господне войдёт.

Радость. Я накопил сокровища для ведения войны.

Разум. Это самое плохое для них употребление. Насколько было бы полезнее и для тебя, и для других копить богатства для друзей и родины, а более всего – для нужд бедных. Именно такое сокровище было бы настоящим и заслуживало бы награды на небесах, а теперь ты получишь за него расплату в преисподней.

Радость. Сокровищ у меня достаточно для ведения войны.

Разум. Сокровище ослабляет душевные силы, а война сокращает число мужей; и то, и другое пагубно.

Радость. В войне я возлагаю надежду на своё большое сокровище.

Разум. Обычно такое сокровище рождает у владельца страх потерять его, а у врага – надежду на прибыль, и это делает его более смелым в войне.

Всякий, кому нечего терять, с воодушевлением вступает в такую войну, где он может многое приобрести. Ты читал у Флакка, как яростно сражался солдат, будучи бедным, и одержал победу; и он же, захватив богатства, умерил своё рвение.(18) И в самом деле, если ты обратишься к известнейшим примерам, то увидишь, что, пока римляне были бедными, они побеждали все племена, а, сделавшись богатыми, начали терпеть поражения.(19)

Итак, с приходом богатств уходят победы и доблесть и вместе с тем появляются спутники достатка: роскошь и всякие прихоти, так что не без основания писатели всех времён сожалели об утрате римской бедности.(20) Лучшая кормилица добродетелей – бедность; а богатство – кормилица пороков.

Ты надеешься на победу с помощью твоих сокровищ, а этого скорее стоит бояться. Богатство не сделало храбрым ни одного мужа, а трусливыми и робкими - многих;; и всех – надменными гордецами.

Радость. Я приобрёл себе большое богатство.

Разум. Значит, ты приобрёл себе хлопоты и зависть; врагам дал повод для нападения, а воров лишил покоя.

Книга I, диалог 101

О мщении

Если врагу отомстишь, небольшую хвалу ты заслужишь.

Всякое мщенье от Бога должно воздаваться.

Радость. В мои руки попал враг, и есть возможность отомстить.

Разум. Конечно, твоё дело, кем стать: рабом гнева или другом милости. Как ты поступишь, неизвестно. Ведь многие представляют себя не такими, какими они на самом деле являются. Опытные же люди сознают, кто они такие.

Радость. Враг у меня в руках, и я могу отомстить.

Радость. Есть границы возможности, а есть границы дозволенности, и нужно подумать не о том, что ты можешь, а о том, что подобает сделать. Если ты даже многое можешь, не нужно этого желать; а лучше было бы, если бы ты ничего не мог.

Радость. Я могу отомстить, а слаще мести нет ничего.

Разум. Нет ничего горше гнева, и я часто удивляюсь, почему кто-то назвал мечь сладкой. Если ты признаёшь, что в ней есть что-то сладкое, то это грубое наслаждение, недостойное мужа, а свойственное зверям, да и то не всем, а только злобным и свирепым. И наоборот, только человеку свойственно сострадание и кротость, мечь совершенно не свойственна людям; ведь мечь это самое жестокое, что может совершить человек с остервенелой душой по отношению к другому человеку. Я скажу тебе, какой сладкой мечью ты мог бы воспользоваться с большой славой: отличнейший род мести – вообще отказаться от неё.

Радость. Есть возможность отомстить.

Разум. Гораздо лучше и гораздо благороднее забыть об обиде, чем мстить за неё. Нет ничего великодушнее, чем забывать обиду. Именно из-за этого величайший оратор наделил величайшей похвалой величайшего полководца, который обычно всё прощал, кроме, пожалуй, несправедливостей(21).

Преимущество этого доброго качества души в том, что, сколько бы ни растрчивалось великодушие, оно не иссякает и не исчезает. Итак, прими и ты эту известнейшую мысль Цицерона. Прощение и тебя сделает более славным, чем упомянутых им Кинеда и Хармада (22). Ведь месть присуща природе, а прощение это свойство добродетели.

Радость. Мстить приятно.

Разум. Наслаждение мезтью кратковременно, а наслаждение милосердием вечно. Поступи сегодня так, чтобы ты мог наслаждаться вечно. Ведь нет более великого и более длительного наслаждения, чем то, которое рождается чистой совестью и воспоминанием о хорошо исполненных делах.

Радость. Мстить это почётно.

Разум. Почётнее проявлять милосердие. Снисходительность многих возвысила, а месть – никого. Среди человеческих поступков самое необходимое и самое важное – прощение. Ведь нет никого, кто не грешил бы, никого, кто не нуждался бы в милосердии. И если в этом отказывать, то кто отыщет завязки столь многочисленных преступлений и прегрешений? И кто свяжет расторгнутый и разорванный союз человеческого сообщества?

Люди всегда будут бороться между собой, и всегда будет направлен против них гнев Господень. Никогда не будет конца ссорам и наказаниям, никогда не будут бездействовать ни оружие, ни молнии небесные. Поэтому щади людей, будь сострадательным и умиряй свою душу. Делай для человека то, чего ты сам ждёшь от человека и что ты хотел бы получить от Господа. Тот, кто отказывает в прощении своему товарищу по рабству, тому не подобает добиваться прощения от господина. Учёный Экклезиаст с негодованием восклицает: «Человек питает гнев к человеку, а у Господа просит прощения;

к подобному себе человеку не имеет милосердия, а молится о грехах своих»(23).

Радость. Я не причиняю несправедливости, но мщу.

Разум. Разве имеет значение, первым ты согрешишь или последним? Несправедливо, чтобы ты одобрял в себе то, чего ты не одобряешь в другом. Ты осуждаешь врага за жестокость, а сам хочешь уподобиться ему; ты не хочешь быть похожим на него и при этом перенимаешь у него самое плохое.

Радость Я хочу мстить, и это мне позволено.

Разум. Ты не должен этого хотеть, и нет такого закона, который позволяет это. Порок, пожалуй, можно оправдать, но нельзя за него мстить. В Писании сказано: «Кто хочет быть отмщённым, от Господа получит отмщение»(24). И ещё (я об этом сказал немного раньше) говорит Господь: «Отмщение это моё, и я воздам им со временем».

(25). Жди этого времени; без тебя отомстит Тот, Кто является господином и обиженного, и обидчика. Обычно все рабы знают господина. Если у тебя есть сколько-то ума, если у тебя есть забота о совершенствовании своего характера, моли и желай, чтобы отомстил Он; так ты обернёшь преступление врага во своё спасение.

Радость. Есть намерение отомстить.

Разум. Повремени с этим намерением, повремени с гневом, обуздай желание, отложи месть – она или утихнет или ослабеет. И разгневанное море успокаивается через короткое время.

Радость. Я отомщу.

Разум. Ты можешь обидеть одним поступком многих. Одна обида часто породила бесчисленных врагов.

Радость. Я отомщу.

Разум. Ты навредишь этим больше самому себе, чем врагу. У него погубишь тело или дело, а у себя погубишь душу и доброе имя.

Радость. Я отомщу.

Разум. Сколько раз при стремлении отомстить удваивается несправедливость. Для обиженного часто остаётся единственное средство уйти от несправедливости - не обращать внимания на обиду. Часто есть опасность или искать средство отомстить, или с молчаливого согласия при мщении прикрываться сознанием несправедливости.

Радость. Я могу погубить врага.

Разум. Лучше приобрести друга, чем устранить врага. А лучше всего и друга приобрести, и врага не устранять, так как нет лучше поступка, чем воздержаться от мести даже тогда, когда ты можешь отомстить. Самое подходящее средство избавиться от врага это кротость. Если верить мудрейшему старцу Гереннию, полководец самнитского войска Понтий, одержав победу, провёл под ярмом римское войско, но вскоре сам претерпел это же: сначала он с остальными воинами прошёл под ярмом, а после один был казнён(26).

Радость. Меня язвит жало мщения.

Разум. Сопротивляйся этому с помощью благочестивых мыслей и вспоминай примеры, которые могут склонить душу к большей кротости; это прежде всего поможет сделать память о краткости и ненадёжности человеческой жизни. Такая мысль наиболее убедительно представлена у Сенеки (с кем я согласен), когда он пишет о смягчении гнева(27). К нему присоединяется и тот самый учёный, о котором я упомянул. Ведь именно это он имеет в виду, говоря: «Помни о последних временах и перестань враждовать»(28). Ничто не питает враждебные отношения больше, чем забвение этого обстоятельства. Тот, кто находится в твоей власти, без сомнения, умрёт, и может быть, вскоре и даже сегодня, а, может быть (о чём ты и не думаешь), ты его опередишь.

Подожди чуть-чуть, остановись – и случится то, чего ты и желаешь, чтобы оно случилось, и боишься, что это случится. Смерть, которую ты готовишь врагу, уже уготована ему и без твоего преступления. Разве приятно ускорить бег торопящейся судьбы и, совершив убийство, обагрить руки кровью того,

кто и так умрёт? Не только преступно, но и бесполезно подгонять своей нечестивостью торопливое время; если бы ты даже сильно хотел этого, ты никаким благочестием не смог бы ни сдержать, ни отсрочить его бег. Насколько спокойнее и благороднее будет, если враг останется цел и невредим, а ты уйдёшь отсюда незапятнанным кровью и невинным, чем уйдёшь виновным, и оба вы окажетесь обагрены кровью.

Радость. Меня жжёт жало мщения.

Разум. Не поддавайся этому и противопоставь такому жалю память о тех, которые оказались не только кроткими по отношению к врагам, но благожелательными и добродетельными; и напротив, вообрази себе тех, которые, дыша бешенством, рубили на куски убитых врагов, без нужды проявляя свирепость по отношению к бесчувственным трупам. Выбери, на кого из них ты предпочёл бы быть похожим, и сопоставь не только их дела, но и слова. Ведь немалая часть жестокости заключена в словах. Жестока нога, более жестока рука, а самое жестокое это язык. Часто свирепость души, которую не сравнить со свирепостью руки, опережает свирепость языка. Язык, безусловно, лучший свидетель как жестокости, так и кротости. И пусть в твоих ушах прозвучат слова Адриана, о которых я упомянул немного раньше, и вместе с тем слова Тиберия, о котором написано: «Когда он услышал, что один из ответчиков по имени Корнул покончил с собой, воскликнул: «Корнул ускользнул от меня»(29). О, дикое высказывание и, если можно так выразиться, выглядящее ещё более диким из-за того, что оно прозвучало из уст императора. Что же он думал, что человек, убивший себя в тюрьме, избежал обычной казни? Поразмысли об одном и том же слове, сказанном двумя людьми, но имеющем разный смысл. Сколь разные вещи случается определять одним и тем же словом. Один о присутствующем враге говорит: «Он ускользнул», а другой сказал об отсутствующем: «Он ускользнул». Один подарил жизнь своему врагу, а другому не понравилось, что его врага настигла смерть. Выбери, что бы ты сам хотел произнести, спокойные слова принцепса или жуткие слова палача. Я, разумеется, знаю,

что сказать легче, чем сделать, и понимаю, что можно возразить на это. Признаю, что труднее быть снисходительным по отношению к причинённым тебе обидам, чем к чужим – это трудно, но поступать так - хорошо. Не станешь же ты отрицать, что всякая добродетель вмещает в себя и хорошее, и тяжкое, но для приверженцев добродетели всё является лёгким.

Радость. Я решил мстить.

Разум. Сколько можешь, сопротивляйся тому, чтобы не побеждала худшая часть души, и вырви у неё победу, прежде чем она ею воспользуется, подними поверженную кротость. Помни, что ты человек. Пожалей о том, что ты многим отомстил и никого не пощадил.

Радость. Я отомстил.

Разум. Лучше, чтобы ты был побеждён врагом. А теперь, победив врага, ты сам побеждён гневом.

Книга I, диалог 102

О надежде победить

Часто случается: кто победил, побеждённым уходит.

Истинно тот победит, кто грехи побеждать научился.

Радость. Я надеюсь на победу в войне.

Разум. Надежда всегда обманчива, а уж на войне обманчивее её нет ничего. Ведь ничего не происходит так, как было задумано. Всё случается неожиданно. Самый сведущий и самый опытный в военных делах человек сказал, что исход войны менее всего отвечает замыслу(30).

Радость. На победу я надеюсь.

Разум. Мир был бы тебе полезнее. Достойны упоминания и другие слова того же полководца: «Лучше и безопаснее несомненный мир, чем неопределённая победа»(31).

Радость. Я буду победителем в войне.

Разум. А что если побеждённым? Такая надежда многих привела к гибели. Без надежды на победу никто добровольно не стал бы в строй.

Радость. Я выйду из войны победителем.

Разум. Это ты скажешь в будущем. Ведь всякая надежда связана с будущим. А само будущее всегда неопределённо.

Радость. Из войны я вернусь победителем.

Разум. О, тщеславная надежда людей! А может, ты вообще не вернёшься ни победителем, ни побеждённым. Ты надеешься на возвращение, а дорога проходит среди мечей и твоя голова всецело принадлежит жестокому Марсу.

Радость. Я надеюсь быть победителем.

Разум. Но есть и тот, кто надеется на обратное; несомненно, что кто-то из вас двоих победит. Но один из двух полководцев может погибнуть, а могут погибнуть и оба одновременно, взаимно поразив друг друга. Это часто случалось. Напомню о последнем поединке между нечестивыми братьями под Фивами; а в Риме подобное случилось в первой войне после изгнания царей, когда консул Брут последовал в царство мёртвых вслед за сыном царя Суперба(32). А когда потеряна жизнь, о какой победе вести речь? Да и уцелев, тебе часто приходилось уходить из сражения при неопределённом его исходе.

Известны случаи, когда обоих полководцев обманывала надежда на победу. А уж то, что она обманывает одного, это так же обычно, как и вступать в сражение. Ты что же, думаешь, что именно противника обманет надежда на победу, а к тебе она будет ласковой?

Радость. Я одержу победу в войне.

Разум. Победа всегда сомнительна, а часто горька и кровава. То, что приобретается с опасностью для жизни, даром не даётся; за это дорого платят: цена победы – кровь, а бывает и ещё дороже – смерть, когда сторона победительница теряет полководца. И вот, хотя твои воины одержали победу, ты окажешься побеждённым.

А что сказать о злодеяниях, совершённых после победы? Тут не столько несчастий для побеждённого, сколько грехов у победителя. Нет ничего хуже греха, и побеждённый не становится более несчастным от того, что его победили; он при этом теряет меньше, чем приобретает победитель.

Радость. Я одержу победу.

Разум. Общий вывод таков: побеждаешь ли ты, или победил, или победишь – всё это сомнительно.

Книга I, диалог 103

О победе.

Многие губят людей, добывая победу в сраженьях,
но от пороков своих гибнут и сами подчас.

Радость. А я победил.

Разум. Берегись, как бы тебя самого не победили гнев, надменность, жестокость, ярость, бешенство. Ведь они спутники победы, незримые и страшные враги победителей. Часто случалось, что ими самым позорным образом были побеждены славнейшие победители. Фортуна, следуя по длинной и запутанной цепи рассуждений, до времени не требует платить по счетам. Это жестокая и скупая кредиторша, с которой у тебя ещё и теперь остаётся много хлопот; она имеет обыкновение требовать взятое взаймы с большими процентами.

Радость. Я победил в большом сражении.

Разум. Победитель в сражении часто оказывается побеждённым в войне.

Радость. Но я же победил.

Разум. А сколько раз побеждали карфагеняне? А галлы и другие племена? А сколько раз были побеждены римляне?(33) Нужно иметь в виду окончание

военных действий, особенно тех, которые могут оборачиваться то в пользу одних, то других и не бывают неизменными.

Радость. Я определённо победил.

Разум. Хотя исход войны и определился, успех всё ещё сомнителен, и из радостей внезапно могут вырываться печали, а из печалей – радости.

Радость. Я стяжал великую победу.

Разум. Всего великого можно добиться с помощью чего-то безмерно великого. Победу одерживает та сторона, у которой больше раненых и убитых. Не веришь мне – спроси Ксеркса после битвы при Фермопилах(34).

Радость. Счастливый случай помог одержать мне великую победу.

Разум. Вряд ли великая победа была получена за малую цену. О величайшей из всех войн величайший историк говорит так: «До какой степени было изменчиво счастье войны и непостоянен исход сражений, видно уже из того, что на волосок от гибели находились именно те, которые вышли победителями»(35)

Радость. Я победил окончательно.

Разум. Победа не бывает окончательной, пока остаётся вооружённый враг: даже, если ты сразишь его, родятся другие. А о некоторых победах, можно сказать, что это семя будущих войн. Бывает, сломленная оружием ненависть скапливается воедино и вновь даёт ростки; воскресшие ратники возвращаются в строй и при этом не так, как когда-то воспалённое воображение послало Кассию в его последний день образ убитого им и уже погребённого врага с таким ужасающим взглядом, что этот вид обратил в бегство храбрейшего мужа, не боявшегося живого врага(36). Эти ратники придут так, что на место одного восстанет множество врагов и они отнюдь не воображаемыми руками обратят отнюдь не воображаемое оружие против тех, которые, казалось, победили.

Радость. Я победил и теперь безмятежно живу без врагов.

Разум. Это глупо. Пока будут существовать люди, не будет недостатка во врагах. Ты ведь читал, что и у Рима хватало врагов после бесчисленных

триумфов и покорения мира, а ты надеешься, что у тебя их не будет. Может, у того, кто не воюет, и не будет, а у сражающегося враг будет всегда.

Радость. Я победитель.

Разум. Смотри, не ошибаешься ли ты. Победа становится благом для тех, кто умеет ею пользоваться, и при этом пользоваться не так, как советовал Ганнибалу Магарбал, но так, как более славный муж Ганнон советовал государству(37). Конечно, самая лучшая и благая польза победы это мир, и справедливые войны начинаются, имея целью именно мир.

Радость. Победа со мной.

Разум. Смотри, не улетела бы, ведь она с крыльями(38).

Книга I, диалог 104

О смерти врага.

Смерти внезапной врага ты не радуйся сильно –
ведь и тебя унесёт неминуемо чёрная гостья.

Радость. Я радуюсь смерти врага.

Разум. Ожидать смерти врага или вообще радоваться чьей-либо смерти позволительно только тому, кто сам бессмертен (если кто-нибудь может быть бессмертен). А ожидать смерти другого, которая с тобой может приключиться раньше, или радоваться тому, что с врагом произошло то, что неизбежно произойдёт с тобой, это глупое ожидание и пустая радость.

Радость. Смерти врага я радуюсь.

Разум. А скоро другой будет радоваться твоей.

Радость. Радуюсь смерти врага.

Разум. Человек, который помнит о своей участи, никогда не станет радоваться смерти другого человека. Когда на казнь одновременно приводят

двух людей, разве будет один из них радоваться смерти другого, зная, что и ему предстоит то же самое? Скорее всего, он будет скорбеть о смерти другого, думая о своей.

Радость. Я почувствовал радость, узнав о смерти врага.

Разум. Ты знаешь, сколько раз те, кто с нетерпением ожидали чьей-либо смерти, получив желаемое, терзались и начинали напрасно желать жизни тем, кому раньше желали смерти, и понимать, что они желали смерти врага на свою гибель? Так что эти ваши вспышки поспешны. Всё, что вы желаете, вы желаете сильно. Именно это говорил Юлий Цезарь о Марке Бруте (39). А вы к тому же хотите, чтобы ваше желание исполнялось без промедления. Всё, что вы желаете, вы желаете тотчас. Такие нечестивые желания заставляют прибегать к ядам, убийствам и ко всему, что человек, это зловредное животное, устраивает против человека, то есть против своего же вида.

Если бы вы слушались советов разума, вы пришли бы в ужас от этих злодеяний. А их разнообразие – доказательство вашей неразборчивости. Ваши желания вернуться на правильный путь не раньше, чем в душе будет подавлена безрассудная тяга к нечестивым поступкам.

Радость Смерти врага я радуюсь.

Разум. Если враг незначительный, радоваться его смерти стыдно, а скорбеть излишне. Если же он знаменит и благороден, то прежде всего нужно печалиться если не из-за самого человека, то из-за его мужества, которое с каждым днём становится всё более редким гостем. Например, завоеватель Македонии Метелл оплакивал смерть Сципиона Африканского Младшего, Цезарь – смерть Помпея, Александр – смерть Дария (40).

Радость. Я радуюсь смерти врага.

Разум. Что же ты радуешься смерти того, кого тебе предписано любить не как врага, но как ближнего, как творение одного и того же Создателя (41).

Радость. Смерти врага я радуюсь.

Разум. Ты, скорее всего, не слышишь или пренебрегаешь советом мудреца: «Не радуйся смерти врага своего, помня, что все мы умрём» (42). Совершенно разумный совет и правило.

КНИГА I, ДИАЛОГ 105

О надежде на мир.

Будет надежда на мир, если будет согласие;
а коль согласия нет – то и надежда уйдёт.

Радость. Я надеюсь на мир.

Разум. Лучше сохранять мир, чем надеяться на него. Быть недовольным тем, что определённо, и питать надежду на сомнительное это свойство глупца.

Радость. На мир я надеюсь.

Разум. Лучше бы ты крепче его удерживал и не позволял исчезнуть, чем надеялся на него. Именно твоя нетерпеливость привела тебя к этой надежде, так что ты предпочитаешь в тревоге надеяться, в то время как мог бы радоваться.

Радость. На мир я надеюсь.

Разум. Надежда на мир многих сгубила, а неожиданное бедствие, следуя за ожидаемым миром, обрушивалось и на осмотрительных и умных, которых оно не могло бы поразить, будь они более бдительными.

Радость. Я надеюсь на мир.

Разум. То, на что ты так долго надеешься, можно сейчас получить в свои руки. Редкие люди не получают мир, если начинают всеми силами души желать его. Но есть такие, для которых сладко только имя мира, а сам мир горек. Стремясь к миру, они миру-то и мешают. С вами живут четыре врага

мира: алчность, ненависть, гнев, надменность. Отправь их в вечное изгнание, и мир будет вечным.

Радость. Надежда на мир несомненна.

Разум. Между надеждой на мир и миром многое может случиться: необдуманное слово, легкомысленный шаг подчас нарушали установленный мир. Сами договоры и миротворческие речи часто сокрушаются железом, и надежда на мир возбуждает души людей и подстрекает к войне. Так ты назвал бы пустым упоминание о дружбе, если есть подводный камень ненависти.

Радость. От мира будет мир.

Разум. Часто дела именно из-за мира идут без пользы, а иногда могут быть и опасными. Во время мира начинали действовать и действовали вожди и галлов, и пунийцев, и в это время первых одолел Камилл, а вторых – Сципион(43).

Радость. После окончания войны мир укрепитя.

Разум. Насколько полезнее было бы укреплять его до начала войны. Сколь многих потерь и смертей можно было бы избежать при своевременном мире! Но вы, упрямые и непослушные мальчишки, не в состоянии становиться мудрыми без розог: во время мира вы ищете войны, а во время войны хотите мира. Только подавленные войной вы начинаете признавать и любить мир; когда он потерян, вы его оплакиваете, а стоит ему возвратиться – вы с такой же лёгкостью пренебрегаете им. Лишь неоднократные потери мира могут научить вас не презирать свои блага и не желать себе бед; в конце концов, пусть будет стыдно делать глупости и безумствовать, прежде чем ты добьёшься мира. Вам часто нужно много раз выслушивать одно и то же, да и выслушать не достаточно, нужно ещё и много раз увидеть и самим не раз испытать. Особенно обращаю ваше внимание на то, чтобы вы прислушивались к тому, что чаще всего вам говорят.

Радость . За войной следует мир.

Разум. Лучше бы он предшествовал войне и преграждал ей путь. Нет ничего безумнее, чем в надежде на лекарство по доброй воле нанести себе рану. Повязки помогают ранам, но не устраняют причину ран. Желать выздоровления больному естественно, а желать болезни здоровому в надежде на выздоровление – безумие.

Радость. Будет мир.

Разум. Обычно мир несёт городам гибельные государственные перевороты. Сам по себе мир это, конечно, лучшее, что может быть, но его окружают самые плохие спутники: несправедливые законы, испорченные нравы, скрытая ненависть, открытая тирания. Вспомни, что сказал когда-то, предсказывая гражданскую войну, известный поэт, и он не ошибся:

Полезно, чтобы мира требовали высшие,

Вместе с господином придёт сам мир(44).

Лучше наполненная войнами свобода, чем мирное рабство.

Радость. Мир я имею.

Разум. При всём том ты имеешь войну.

КНИГА I, ДИАЛОГ 106

О мире и перемириях

Часто блаженство и мир вредят человеческим душам.

Свойство разумных людей – уметь наслаждаться покоем.

Радость. Мир я имею.

Разум. Это огромное благо, если бы оно было настоящим и истинным. А он, конечно, таким не является. В тени мира скрывается война; это дело не новое, а слишком обычное и повседневное. Шаткость человеческих душ,

постоянно борющихся между собой не меньше, чем с врагом, не позволяет жить в мире, будь он сколько угодно чистым и продолжительным.

Радость. Мир обретен.

Разум. Но утрачена осторожность и воинская дисциплина – надёжная защита городов. Обретена вялая бездеятельность и опасная во всякое время беззаботность. Хотя чаще всего мир, конечно, лучше войны. Но в одном отношении война лучше: она заставляет быть более осторожными и более деятельными. Никогда не исчезла бы римская доблесть, если бы продолжалась война с Карфагеном. Мир с пунийцами обернулся гибелью Рима и стал постоянным поучительным примером для других городов. Он показал, что и для народов, и для государств мир – не всегда самое лучшее. В этом уверен и славнейший муж Назика, но плохо, что ему в этом не верят(45). А все учёные согласятся, что сказанное им истинно.

Радость. Мир я имею.

Разум. Пользуйся им умеренно. Мир надменный и беспечный гибельнее всякой войны.

Когда человек вооружён, он в безопасности даже среди мечей, а, надев тогу (46), случается, попадает на мечи, и тогда желать войны уже поздно. А что сказать о порче нравов и об утрате человечности? Сколько мужей, проявивших лучшие качества во время войны, в мирное время оказывались самыми плохими! Они, как будто совершенно оставив доблесть в сражениях, вместе с тогой надели на себя всякие пороки; как будто, изменившись внешне, они изменили и своё внутреннее состояние.

В свидетели можно привлечь много тысяч людей, но вполне достаточно двух: Суллы и Мария (47). Первого (как о нём пишут) нельзя по его заслугам ни похвалить, ни порицать. Пока Сулла одерживал победы, он представлялся римскому народу Сципионом, а когда проявлял свирепость – Ганнибалом. Что касается второго (как о нём написано там же), то, взвешивая его пороки и доблести, нелегко судить о нём: он был лучшим во время войны и очень опасным во время мира. Именно он, будучи вооружённым, спас республику,

а, надев тогу, разрушал её ложью всякого рода лжи и, в конце концов, словно враг, сгубил её при помощи оружия.

Радость. Я радуюсь, что родина обрела заслуженный мир.

Разум. А что если мир погасит лучшее в человеке и вскормит то, что есть в нём худшего? Известны слова Сатирика, который много говорил о причинах древней римской доблести. Среди них и то, что Ганнибал подошёл слишком близко к городу:

Ныне же терпим мы зло от долгого мира.

Свирепей войн налегла на нас роскошь и мстит за всех побеждённых (48).

Разве он не говорит (уверяю тебя), что любой мир теряет всякую ценность и ненавистен выдающимся мужам, если такому миру сопутствует роскошь? Несомненно, что, даже когда оставлено оружие, человек мыслящий не может назвать миром состояние, когда людей тревожит опаснейшая и лишённая перемирия война пороков, идущая внутри.

Радость. Есть прочный мир.

Разум. И вместе с ним его спутники: разнузданность, прихоти и, как я уже сказал, опасности; при этом их столь же много и они столь же велики, как и на войне. Но там они губят тела, а здесь – души, а часто вместе с ними и тела. Поэтому многим приносит больше удачи панцирь, чем тога; и военный лагерь безопаснее спальни; труба радуется больше, чем флейта, а солнце – больше, чем тень. Есть и такие, для которых поля сражений – самое безопасное место. Я слышал, что так говорил о себе и своих солдатах Юлий Цезарь (49).

Я же признаю, что мир это и небесный дар, и счастливое благо для любого человека, если он не связан с пороками. Но такое случается редко.

Радость. Но я заключил перемирие.

Разум. Значит, ты дал врагу время собрать силы, с помощью которых он может поразить тебя сильнее.

Радость. Я имею перемирие.

Разум. Перемирию свойственно коварство. А из-за коварства, поверь, случается много враждебного и, ты читаешь, ещё больше было сделано прежде.

Перемирие, как ничто другое, позволяет обдумать планы войны и беспрепятственно стянуть вспомогательные войска. Некоторых, не побеждённых на войне, совершенно сгубило перемирие.

Радость. У меня с врагами заключено перемирие.

Разум. Беспольное время; оно не доставляет радости, которая приходит с заключением мира, и не закаляет, как бывает во время войны, но болтается посреди ненадёжных волн между миром и войной, когда миру мешает надменность, а войне – страх. Не знаю, что тяжелее, поддерживать такой мир или нарушить его.

Желать, чтобы было время для передышки, значит, жить в состоянии томления. А находиться в состоянии ни войны, ни мира это в природе человека жалкого и безумного.

КНИГА II, ДИАЛОГ 70

О страхе погибнуть на войне

Если боишься погибнуть в бою, уходи от сражений.

Пусть поселится в душе благостный мир навсегда.

Страх. Я боюсь быть побеждённым на войне.

Разум. Ищи мира.

Страх. Я сильно боюсь быть побеждённым на войне.

Разум. Умеренный страх рождает осторожность, а сильный – отчаяние. На войне нет ничего лучше первого, и в любых обстоятельствах ничего не бывает хуже второго.

Страх. Меня мучит большой страх перед сражением.

Разум. То, что перед сражением возникает боязнь поражения, а это рождает страх и уныние, испытали и Фламиний перед битвой у Тразименского озера, и Красс у города Карры, и Помпей в Фессалии (50). Именно о таких случаях, да и других говорит поэт:

Страх – самый плохой предсказатель в делах с неизвестным исходом (51).

Страх. Меня охватывает ужас перед исходом сражения.

Разум. Всё же прогони его – и надежда возвратится. Нет ничего хорошего начинать что-нибудь, когда и разум, и страх предвещают, что от этого нужно воздержаться. Обычно в душе есть какая-то сила предчувствия, и не всегда хватает благоразумия противостоять ей. Нет необходимости приводить много примеров, достаточно тех трёх, о которых я упомянул.

Страх. Я боюсь поражения в предстоящей битве.

Разум. Перебери в уме свои обстоятельства, лучше тебя их никто не знает, и подумай, откуда это предчувствие, от естественного страха, от недостатка сил или от малодушия – ужаснее и хуже последнего нет ничего. Если малодушие препятствует твоей свободе, или славе, или твоему спасению, его нужно подавить и заставить душу подняться и показать ей, что подчас опасности менее грозны и более ничтожны, чем кажутся. Мнимые страхи часто рисуют нам ужасные вещи. Эти страхи некоторых повергали в такой ужас, что они без сопротивления отдавали врагу уготованную им победу. Ибо ложный и пустой страх бывает очень тяжёлым и настолько сильным, что рождает в охваченном ужасом человеке неуверенность и ввергает его в бедствия. Об этом названный выше поэт говорит так: «Страсть плохо управляет всем» (52).

Если ты не можешь взбодрить дух, ослабевший от этого страха, воздержись от открытого сражения. Едва ли можно хорошо делать то, что делается со страхом. Если ты вступишь в сражение в таком состоянии, оно будет упорно бороться против тебя, ибо лучшая часть тебя самого будет сражаться с тобой.

Для того, кто является плохим хозяином своей души, страх – худший спутник на войне.

КНИГА II, ДИАЛОГ 72

О неразумном и опрометчивом военачальнике

Если твой вождь неразумен, возьми на себя управление – промахи можно сметливостью вашей исправить.

Печаль. Военачальник у меня неразумный и опрометчивый.

Разум. Не стану отрицать, что это очень опасно. Спроси об этом наши легионы, лежащие у Требии, у Тразименского озера, у Канн и во многих других местах (53). Если ты хочешь иметь лекарство от этого, оставь опасную военную службу. А если сделать это не представляется возможным, смело и решительно возьми обязанность полководца на себя, чтобы твоя доблесть стала заметной на фоне промахов твоего военачальника, чтобы тебя не сгубили чужие ошибки, но если есть хоть какая-то возможность, возьми общее спасение на свои плечи. Понимаю, это дело трудное, но не невозможное и не такое уж необычное. Малодушие одного полководца часто приносило вред многим воинам, но, бывало, доблесть одного мужа спасала и войско, и полководца. Не стану распространяться об этом больше, чем следует – в своём месте ты прочитаешь о подобных случаях, а сейчас достаточно упомянуть лишь несколько имён и обстоятельств. Назову Публия Деция во время Самнитской войны, Кальпурния Фламина в Первой Пунической войне, Сципиона Младшего во время Третьей Пунической войны. Все они, будучи военными трибунами, явились спасителями и полководцев, и войск (54).

Твоя доблесть и военное счастье могут быть такими, что окажутся в состоянии обернуть чужой позор к твоей славе. Конечно, это дело сомнительное, но при крайней необходимости единственное. Поэтому как бы судьба ни крутила других, послушай меня: не оставляй руль управления ни во время войны, ни во время мира, ни в жизни, ни в смерти.

КНИГА II, ДИАЛОГ 73

О неудачном сражении

И устоять, и упасть – всё случайно в бою происходит.

Может фортуна свалить, но может и сдерживать бегство.

Печаль. Я побеждён в сражении.

Разум. Но страх уже ослабел и можно надеяться на лучшее. Такие настроения чередуются. Когда страх ещё не прошёл, но уже появилась надежда на будущее, то это будущее может быть и таким, какого ты ожидаешь, и таким, какого ты опасаясь

Печаль. Я побеждён в великом сражении.

Разум. Лишь бы не был побеждён ваш дух. Если ты пал духом, то, конечно, всё пропало.

Но вспомни, как побеждённый в сражении Марцелл уже на следующий день вернулся в строй и победил в более важном сражении, чем то, в котором он потерпел поражение накануне (55).

И Юлий Цезарь, побеждённый во второстепенном сражении при Диррахии, стал победителем в важном сражении при Фарсале (56).

Многие, потерпев поражение в одном сражении, оказывались победителями в войне. Храбрые мужи не падают духом от исхода одного дня, а становятся отважнее, причём на долгое время. Побеждённый сегодня,

завтра ты будешь сражаться осмотрительнее. Неудачные сражения учат полководца искусству сражаться, словно строгие и требовательные учителя: когда случится сделать ошибку, они вразумляют битвём. Так земледельца толкает к деятельности бесплодие почвы, архитектора – обрушение зданий, всадника – частые падения с лошади, моряка – жестокие бури. На ошибках учатся.

Печаль. Побеждён я.

Разум. Побеждён только тот, кто сам считает себя побеждённым, чья надежда подавлена и убита, чей дух угнетён. Посмотри на боевой дух римлян, каким он был всегда и особенно во время Второй Пунической войны. Его не сломили ни тайные соглашения царей и племён, ни отложение союзников, ни множество несчастливых сражений и почти сокрушительных поражений (57). У них никогда не было и мысли о заключении мира, не было и следа неуверенности. Наконец, все их военные планы предполагали только великое и непобедимое. Именно такое поведение может смягчить суровость фортуны доблестью духа и заставить её устыдиться и полюбить себя.

И в конце концов, они с достоинством выпутались из неблагоприятных обстоятельств; тысячи поверженных воспряли духом, и вскоре их доблесть и удача подчинили не только этих ужасных врагов, но по очереди и весь круг земель.

Печаль. Сознаюсь, что я побеждён.

Разум. Наконец-то ты начинаешь познавать судьбу и, по крайней мере, понимать, что это случилось с тобой, потому что уклонялся от блага. Даром большим делам не научишься. Многих из тех, кого не научила школа, учит опыт; глухой к словам наставников вбирает в себя глазами то, что он не мог воспринять ушами. Самым верным наставником во всех человеческих делах является несчастье, оно больше всего подходит для устранения ошибок.

Печаль. Я рухнул от большой раны, нанесённой судьбой.

Разум. Так поднимись, не лежи. На фоне ран, нанесённых судьбой, наиболее славно видно величие души. Именно теперь познай самого себя и пойми, что ты получил значительный прилив сил.

Печаль. Я потерял победу, на которую надеялся.

Разум. Если при этом ты приобрёл опыт, на который не надеялся, то эту перемену обстоятельств нужно принять, а не отвергать.

Печаль. Я побеждён в войне.

Разум. Побеждённый в войне всё-таки сохраняет свободу и жизнь. А тот, кто побеждён пороком, теряет и то, и другое. Поистине побеждённым является каждый, кто падает под тяжестью пороков.

Печаль. Я побеждён.

Разум. А знаешь, что было сказано Помпею Великому после фессалийского сражения? Пусть это подойдёт и для тебя: «Победить было бы хуже»(58).

У побеждённого обычно меньше преступлений, хотя потерь больше. Польза поражения огромна, так что есть такие, которые предпочитают не только быть побеждёнными, но даже умереть. И, конечно, те, которые покупают ценою смерти спасение души, делают превосходное приобретение. Но человеческая слепота настолько захватила умы, что многие радуются своим бедам, а благо доставляет им тревогу.

Печаль. Я побеждён.

Разум. Может, это случилось с тобой не из-за того, что ты несведущ в военном деле, а случайно. Ибо нигде фортуна не значит так много, как в сражении; хотя она многое может и в других случаях, в сражении она решает всё.

Печаль. Я вышел из сражения побеждённым.

Разум. Но не совсем голым. У побеждённых можно отнять оружие. Но даже те, которые оказываются побеждёнными, сохраняют главное оружие души – истинное добро. Его выносят и из неблагоприятного сражения, и из пожара или кораблекрушения. Не только те доблести, которые скрыты в душе, не могут быть захвачены с помощью меча, но также и те, которые,

кажется, больше всего подвергаются опасности в сражениях, и подвластны мечу. Таким образом, не каждый, кто побеждён в войне, лишается и воинской славы; пусть утрачено оружие, но для покинувшего поле сражения или для погибшего в бою гораздо важнее вынести с собой славное имя хорошего полководца.

Примером может быть Леонид, павший среди огромных груд повергнутых врагов вместе со своими воинами, не столько побеждённым, сколько изнемогшим в стремлении победить (59). Об этом упоминают греческие историки, а Марон приводит пример такой же славы у Деифоба (60). И на фессалийских полях (если верить Лукану) несчастное войско стояло в надёжном строю, и в самом последнем сражении, которое произошло с Ганнибалом в Африке, войско и со стороны победителя, и со стороны побеждённого было построено не лучшим образом и могло сражаться не так уж решительно – это признали и победитель, и побеждённый. (61). А уж оба хорошо умели ценить такие дела. И разве потерял что-нибудь тот, кто не потерял истинную славу, связанную с его искусством, и сознание хорошо проведённого дела?

КНИГА II, ДИАЛОГ 74

О гражданской войне.

Хуже гражданской войны ничего не бывает;
так позаботься, чтоб ты не был причиной войны.

Печаль. Нас сотрясает гражданская война.

Разум. Это название происходит от слова «граждане», а ты один из них. Смотри, чтобы и ты не стал одним из тех, кто способствует этому злу, и чтобы на тебя не пала часть вины за это. Ведь обычно случается так: один

воспламеняет другого до тех пор, пока не проснётся общественная ярость. Именно эта общественная ярость начинает донимать и ввергать в бедствия каждого по – отдельности. Ибо общественное зло не возникает само по себе: увеличиваясь в силу привходящих обстоятельств, оно заражает всё государство и даже может привести к перевороту.

Однако если ты хочешь отыскать первопричину, то она коренится в заблуждениях отдельных людей. Так опасайся же, призываю, оказаться одним из тех, кто подбрасывает дрова в костёр гражданской войны или раздувает его. Ведь многие делают то, на что сами вскоре начинают жаловаться, и стонут над раной, полученной от собственной руки, как будто она нанесена кем-то другим. Много людей погибло в пожаре, разожжённом ими самими. Если ты ни в чём подобном не участвовал, то скорбь твоя благочестива: это естественно для хорошего гражданина при общественном бедствии... Ибо при человеческих бедствиях нет ничего горестнее такой вины; мало того (с этим соглашаются и некоторые величайшие мужи), ничто другое бедствием не является (62).

Печаль. Нас сотрясает гражданская война.

Разум. Среди ярости граждан возьми на себя роль миротворца, а если это не получится, возьми на себя, даже если ты будешь один, обязанность бороться за свободу и справедливость. Может быть, родине это и не принесёт пользы, но для тебя, безусловно, будет похвальным, за одно это город назовёт тебя Менетием Агриппой и Катонем Порцием наших дней (63).

Печаль. В гражданской войне не может быть примирения.

Разум. Если у тебя самого не хватает сил, упрашивай других, кричи, проси, противодействуй, порицай, заклинай, указывай всем, кому можешь, на общественное бедствие, которое содержит в себе и частные, и хотя представляется, что кого-то лично оно не касается, на самом деле оно касается всех. И, наконец, пытайся успокоить души людей где добротой, где страхом. Если ничего не добьёшься у людей, моли Бога. Стремись к тому,

чтобы граждане образумились и родина была спасена; всеми способами исполняй обязанность хорошего гражданина.

Печаль. Гражданская война довела республику до крайности.

Разум. Чтобы не случилось ничего неожиданного в гражданской ли или во внешней войне, чтобы какое-нибудь непредвиденное обстоятельство не застало врасплох, всегда имей в виду, что не только люди, но и всё человеческое смертно, кроме души. Как у людей, так и у городов и великих империй есть свои болезни, то подкрадывающиеся извне, то возникающие внутри самого тела, это стремление к наследству, соперничество, раздоры и гражданские войны. Но помни, что всему установлен предел, который нельзя превзойти, даже если всё исчезает постепенно. Там, где сейчас славнейшие города, были дремучие леса, и на месте этих городов такие леса могут быть снова. Глупо было бы любому городу надеяться, что с ним не может случиться того, что случилось с царицей городов Римом.

Разница между судьбами людей и судьбами городов та, что первые у нас перед глазами, они неисчислимы, их бесконечное множество. А о судьбах городов мы с изумлением узнаём из-за редкости перемен и их долгого века: едва ли один такой случай может произойти за много веков. Знание этого даст тебе силы в борьбе против всех несчастий как общественных, так и частных. В конце концов именно оно вымостит тебе дорогу, шагая по которой, ты перенесёшь и бедность, и изгнание, и смерть, пусть эта дорога будет не очень приятной, но всё же выносимой. Это же знание покажет, что беда твоей родины общая беда для всех.

КНИГА II, ДИАЛОГ LXXV

О разладе колеблющейся души.

Если в душе есть сомнение, какой ты судьбе подчинишься,

Выбери ту, где желанье добра будет главным.

Печаль. Я страдаю от душевного разлада.

Разум. Нет войны хуже, разве что гражданская. Ведь она происходит между гражданами, а эта - у человека с самим собой. Та идёт на городских площадях между народными партиями, а эта – в душе между частями души. А иногда случается такая разновидность войны, которая называется больше, чем гражданская, когда между собой сражаются не просто граждане, а родственники, как было между Цезарем и Помпеем(64). Об этом сказано: «На этом месте стояли братья, на этом месте стояли отцы (65).

Насколько справедливее представляется та война, которую ведёт не отец против сына и не брат против брата, но сам человек ведёт борьбу против себя. Хотя когда такая борьба длится долго, исчезает всякий душевный покой, всякая безмятежность.

Печаль. В душе враждуют и борются между собой различные страсти.

Разум. Избавься от этого разногласия, начни желать чего-либо одного. В душе наступит спокойный и нерушимый мир тогда, когда раздирающие её страсти, словно мятежные граждане, придут к согласию. В противном случае как вредная и испорченная лимфа порождает лихорадку тела, так губительные страсти порождают лихорадку души, а она настолько опаснее, насколько душа значительнее тела и насколько вечная смерть страшнее смерти временной. Однако и здесь, и там соблюдаемая умеренность и согласие это путь к жизни.

Печаль. Душа охвачена противоречиями и не может выбрать, чего она хочет.

Разум. Ты объединяешь зло и причину зла, и душа, конечно, не может выбрать, именно потому что находится в нерешительности. Пусть выберет что-то одно, и тогда прекратится внутреннее сражение. Но пусть она выбирает добро. Если она облюбует зло, это сражение будет разгораться

всё больше и больше. Ведь пороки всегда сражаются между собой, а высшее согласие это согласие добродетелей.

Печаль. Душа, разодранная на части, в разладе сама с собой.

Разум. Философы разделили душу на три части, из которых первую поместили в крепости, то есть в голове; она небесная наставница человеческой жизни, всегда ясная и ближе всего к Богу. Там живут спокойные и благородные желания. Из остальных двух одна находится в груди, где пылает гнев и сильные порывы, а вторая - под грудобрюшной преградой, где живут безграничные желания и похоти (66). Бурь в этом море в два раза больше.

Так подумай, что же тебе нужно предпринять. Поступи, как Менетий, о котором я упомянул немного раньше: он посоветовал плебсу, чтобы тот решился подчиниться патрициям. Добившись этого, он с помощью здравого совета восстановил в единое целое город, разделённый на две части(67). И ты подумай над тем, чтобы увещанием ли или силой подчинить низменные стороны души благородной стороне. Только тогда можешь надеяться на мир в твоей душе. Человеческая жизнь всегда неустойчива, колеблющаяся, не понимающая главного, шаткая, совершенно слепая и несчастная. Многие, прежде чем уйти из этой жизни, так и не узнали, чего они хотят.

Печаль. Я колеблюсь в принятии решений и не знаю, чего хочу.

Разум. Я уже сказал, что это случается со многими и не только один раз, но и в течение всей жизни вплоть до её конца. И конечно, из всего, что я сказал или собираюсь ещё сказать, едва ли может что-нибудь быть хуже этого зла.

Печаль. Я колеблюсь, и меня бросает в разные стороны.

Разум. Самое большое доказательство того, что душе плохо это неустойчивость; как больное тело часто валится на ложе, так больная душа опирается на советы. Такая душа вряд ли может дать хоть какую-то надежду на спасение. Лучше надеяться на человека, увешанного пороками, если он обратится к добродетелям, и будет в них постоянным, чем на человека непостоянного, не слушающего никаких советов, невежественного, который,

даже если и начнёт делать что-нибудь хорошее, остановится и не станет это продолжать. Можно, попытаться понять довольно тёмную мысль Сенеки, что вся жизнь тратится не на те дела, что нужно; всегда можно назвать тех, кто делает то то, то другое, но никогда то, что нужно; впрочем, можно допустить и другое толкование его слов (68).

Печаль. Меня тревожат различные заботы.

Разум. Корабль твоей жизни, лишённый совета и оставленный наставником, близок к крушению; пока не выпал руль из рук, отведи его в какую-нибудь безопасную и спасительную гавань, бросив якоря, обрети спокойствие, прежде чем тебя захватит душевная буря.

Печаль. Я колеблюсь, не зная, что предпринять..

Разум. При этом, кроме бесчисленных и безмерных опасностей души, обнаруживается и сам внешний вид, изменчивый и непостоянный, и подобный душе, которую отображает лицо, как говорит Цицерон (69). Ты будешь выглядеть то радостным, то печальным, то трусливым, то беззаботным, то стремительным, то медлительным, обращая на себя внимание поразительным непостоянством. Таким, говорят, был Луций Катилина (70). А как только ты станешь уравновешенным, определишься в чём-то одном и начнёшь желать чего-то одного, безусловно, доброго (это природа зла бывает разнообразной), вот когда, говорю, ты это сделаешь, тогда вслед за душевным покоем – а это лучшее из всего – последует и неизменное спокойствие лица. Его не сможет изменить ни какое-либо опасение, ни страх, ни печаль, ни даже благоговейная радость. Это свойственно немногим, у древних греков таким называли Сократа, у ваших – Лелия . Среди ваших принцепсов таким были Марк Антоний и Аврелий Александр(71).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Сенека. Нравственные письма к Луцилию, 86,1

2 Лукан. Фарсалия, X,407.

3 Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Юлий, 69.

4 Александр Север, римский император с 222 по 235г., принимал меры по усилению дисциплины среди солдат и сокращению расходов на содержание армии, был убит солдатами-заговорщиками во время войны против германцев.

5 Пертинакс, римский император с 192 по 193 г.; пытался ввести строгую дисциплину в армии и был убит преторианцами.

Максимин, римский император с 235 по 238 г.; во время осады города Аквилеи жестокостью и корыстолюбием навлек на себя ненависть солдат и был убит.

Бальбин, римский император 238 г.; пробыв у власти 99 дней, был убит преторианцами.

Максим Пупиен, римский император 238 г.; был убит преторианцами вместе с Бальбином.

Проб, римский император с 276 по 282 г.; чтобы отвлечь солдат от праздной и распутной жизни в мирное время, заставлял их осушать болота по Дунаю, разводить виноградники и строить дороги; вызвал этим недовольство солдат, и они убили его.

Грациан, римский император с 375 по 383 г.; был убит солдатами во время похода.

Валентиниан, римский император с 383 по 392 г.; был задушен своим полководцем Арбогастом.

6 Гораций. Послания. I,1,6.

7 Юлий Цезарь в битве при Фарсале в 48 г. до н.э. разбил огромное и хорошо вооружённое войско Помпея. Римский историк Флор отмечает, что величина войска Помпея стала одной из причин его поражения. (См. Флор Эпитома. II, 13, 49)

8 Овидий. *Метаморфозы*, I, 141-142:

С вредным железом тогда железа вреднейшее злато
Вышло на свет, и война, что и златом крушит, и железом

(Перевод С.Шервинского)

9 Кафарей, мыс на острове Эвбея, возле которого был разбросан бурей греческий флот, возвращавшийся после взятия Трои.

В морском сражении при Аргинусских островах в 406 г. до н.э. афиняне разбили флот лакедемонян.

В 413 г. до н.э. во время Пелопоннесской войны афиняне послали военную экспедицию на Сицилию, у берегов которой их флот потерпел сокрушительное поражение от сиракузян.

При Эгатских островах близ Сицилии во время Первой Пунической войны в 241 г. до н.э. римляне одержали победу над флотом карфагенян.

10 Баллиста, военная машина для метания камней.

11 Деметрий Полиоркет (337-283 г.г. до н.э.), один из полководцев Александра Македонского, боровшихся за власть после смерти Александра; царь Македонии с 294 по 287 г.г. до н.э. ; его прозвище переводится «Осаждающий города».

!2 Адуатуки, племя в Галлии. Осаду их крепости римлянами описал Юлий Цезарь (См. *Записки о галльской войне*. II,30-32).

13 Осаду Массилии осуществляли военачальники Цезаря Децим Брут и Гай Требоний; описываемый эпизод см. Цезарь. *Записки о гражданской войне*, I, 34-58.

14 Речь идёт о снарядах, начинённых чёрным порохом.

15 Вергилий, перечисляя души, находящиеся в подземном царстве, упоминает сына Эола Салмоная, которого сразил Юпитер за попытку сравняться с ним в метании молний (см. Вергилий. *Энеида*, VI, 585-594).

16 Архимед (287-212 г.г. до н.э.), величайший учёный древности, живший в Сиракузах. Когда римский полководец Марцелл осадил Сиракузы, Архимед пустил в ход множество изобретённых им военных машин (См. Тит Ливий.

История Рима, XXIV, 34; Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Марцелл, XXV-XXVII).

17 Лукан. Фарсалия, VIII, 383-384.

18 Гораций. Послания, II, 2, 26-40.

19 Эта мысль многократно встречается у римских историков и поэтов.

20 Ювенал. Сатиры, VI, 292-293:

Свирепей

Войн налегла на нас роскошь и мстит за всех побеждённых (Пер. Ф. Петровского).

21 Цицерон в речи за Лигария, сподвижника Помпея, отметил милосердие, которое проявлял Юлий Цезарь по отношению к своим противникам.

22 Хармад (конец II в. до н.э.), афинский философ; Кинеас (III в. до н.э.), друг эпирского царя Пирра, обладавший большим даром красноречия.

23 Книга Сираха, 28,3-4.

24 Книга Сираха, 28,1.

25 Второзаконие, 32,35.

26 Геренний, отец самнитского полководца Понтия. После поражения римлян в Кавдинском ущельи (321 г. до н.э.) они были с позором проведены под ярмом. Впоследствии, во время третьей Самнитской войны, Понтий был взят в плен римлянами (292 г. до н.э.), проведён под ярмом и казнён. Это была месть римлян за позор их консулов, проведённых под ярмом после Кавдия.

27 Сенека. О гневе, III, 42-43.

28 Книга премудростей Иисуса, сына Сираха, 28,6.

29 В начале своего правления римский император Адриан дал клятву, что не будет казнить без сенатского постановления ни одного сенатора. Став императором, он сказал об одном из своих личных врагов: «Ты ускользнул». Император же Тиберий, узнав, что один из обвинённых по имени Карнул не дожидаясь казни, воскликнул: «Карнул ускользнул от меня!»

30 Речь идёт о полководце Сципионе Африканском, который говорил: «Я знаю: всё, что мы делаем, зависит от тысячи случаев».

31 См. Тит Ливий, История Рима, XXX, 32,10.

32 Герои греческой мифологии братья Этеокл и Полиник, сражаясь за власть над Фивами, убили друг друга.

Римский консул 509 г. до н.э. Юний Брут убил в поединке царского сына Аррунта, но и сам умер от полученных ран.

33 Петрарка напоминает о многочисленных поражениях римлян во время Второй Пунической войны и о битве при Аллии в 390 г. до н.э., где римляне были пазбиты галлами.

34 В Фермопильском ущельи 300 спартанцев во главе с Леонидом долгое время сражались с отборным отрядом персов, в котором было 10000 воинов.

35 Петрарка приводит слова Тита Ливия о Второй Пунической войне (XXI, 1,2.

36 Кассий, один из убийц Юлия Цезаря; был казнён по приказу Октавиана после битвы при Акции в 31 г. до н.э. Эпизод с появлением призрака на самом деле, как пишет Плутарх, произошёл с другим убийцей Цезаря – Брутом. (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Цезарь, LXIX.

37 Когда Ганнибал в 216 г. до н.э. нанёс поражение римлянам при Каннах, начальник карфагенской конницы Магарбал советовал идти на Рим. Ганнибал решил отложить этот поход, и Магарбал сказал ему: «Побеждать, Ганнибал, ты умеешь, а воспользоваться победой не умеешь».

Ганнон, карфагенский полководец; был инициатором мирного договора со Сципионом в 202 г. до н.э.

38 Римская богиня победы Виктория идентифицировалась с греческой Никой, которая изображалась с крыльями.

39 Слова Цезаря о Бруте приводит Цицерон в письме к Аттику (Письма к Аттику, XIV, I).

40 Квинт Цецилий Метел, римский полководец; будучи политическим противником Сципиона Африканского Младшего, тем не менее поручил

четырёх своим сыновьям отнести тело Сципиона к месту сожжения, сказав при этом: «Вам никогда не придётся оказать такую услугу более великому человеку».

Политический противник Юлия Цезаря Помпей был вероломно убит в Египте. Когда Цезарю была поднесена голова Помпея, он заплакал. Александр Македонский покрыл тело своего врага плащом, а затем велел убрать его по-царски и отослать матери царя.

41 Евангелие от Луки, 6,27: «Любите врагов ваших, благотворите ненавидящих вас».

42 Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, 8,8.

43 В 390 или в 387 г. до н.э., когда предводитель галлов Бренн вёл переговоры с римлянами, Камилл, явившийся с войском, объявил договор недействительным, прогнал галлов из города и разбил их в сражении.

В конце Второй Пунической войны Ганнибал имел свидание с Корнелием Сципионом, пытаясь склонить его к миру. Мирное соглашение не было достигнуто, и карфагеняне потерпели сокрушительное поражение в битве при Заме в 202 г. до н.э.

44 Лукан. Фарсалия, 669-700.

45 Публий Корнелий Сципион Назика, римский консул 162 и 155 г.г. до н.э.

46 Тога, римская гражданская верхняя одежда; тогу римские граждане носили только в мирное время, поэтому она стала синонимом мира.

47 Сулла (138-78 г. до н.э.), римский полководец и государственный деятель; успешно воевал против понтийского царя Митридата VI, против греков, восстановил римскую власть в Малой Азии. Будучи отстранён от верховного командования в пользу Мария, двинул своё войско против Рима и, одержав победу над марианцами, жестоко расправился со своими противниками и провозгласил себя диктатором. В конце жизни добровольно сложил с себя диктаторские полномочия и вернулся к частной жизни.

Марий (157-86 г. до н.э.), римский полководец и политический деятель; провёл военную реформу, повысившую боеспособность армии; успешно

сражался с нумидийским царём Югуртой, с тевтонами и кимврами. В гражданской войне потерпел поражение от Суллы и бежал в Африку. Через год овладел Римом и на 5 дней предал город грабежу и насилию.

48 См. примечание 20.

49 Петрарка напоминает слова Цезаря, которые были приведены раньше в Письмах к близким, XI, 16, 23 и XII, 2, 5-6.

50 Фламиний, римский консул; командуя в 217 г. до н.э. войском, был разбит Ганнибалом в битве при Тразименском озере и погиб сам.

Красс, римский полководец, погиб в сражении с парфянами при Карах в 53 г. до н.э.

Помпей в 48 г. до н.э. в битве при Фарсале потерпел сокрушительное поражение от Цезаря.

51 Статий. Фиваида, II, 6/

52 Статий. Фиваида, X, 704-705.

53 Петрарка перечисляет битвы, в которых римляне понесли сокрушительные поражения от Ганнибала: Близ Требии (218 г. до н.э.); у Тразименского озера (217 г. до н.э.) погибло 15 тысяч римлян; в битве при Каннах (216 г. до н.э.) было убито более 45 тысяч пехотинцев и 2700 конных воинов.

54 Консул Публий Деций во время самнитской войны в тяжёлый для римского войска момент так решительно бросился в гущу врагов, что передовые ряды латинов, охваченные страхом, разбежались, а потом ужас перекинулся и на всё вражеское войско.

Во время Первой Пунической войны римское войско, окружённое пунийцами, было спасено благодаря усилиям и доблести военного трибуна Марка Кальпурния, который с отрядом воинов пошёл на прорыв и отвлек врага на себя.

Когда во время Третьей Пунической войны две римские когорты попали в окружение, Сципион с небольшим отрядом вывел их из теснины.

55 В 209 г. до н.э. римский полководец Марцелл сразился с войском Ганнибала у Канузия; в первый день римское войско отступило, но после гневного обращения Марцелла на следующий день римляне одержали победу над пунийцами.

56 Во время гражданской войны между Цезарем и Помпеем Помпей нанёс Цезарю тяжёлое поражение у города Диррахия (48 г. до н.э.), но в том же году в битве при Фарсале Цезарь окончательно победил Помпея.

57 Начало Второй Пунической войны было неблагоприятным для римлян: Ганнибалу удалось заключить соглашения с некоторыми италийскими племенами, недовольными римским владычеством. Он разбил войска Сципиона у реки Тицины и у реки Требии; позже римляне потерпели страшные поражения при Тразименском озере и при Каннах.

58 Лукан. Фарсалия, VII, 706.

59 См. примечание 34.

60 Деифоб, один из сыновей троянского царя Приама; в последнем ночном сражении убил много врагов и упал на грудь убитых; был заколот Еленой. Эней почтил героя, воздвигнув для него могильный холм (См. Вергилий. Энеида, VI, 494-512).

61 Петрарка говорит о битве между Цезарем и Помпеем у Фарсалы и о битве при Заме между Ганнибалом и Сципионом.

62 Петрарка дословно воспроизводит слова Цицерона (Тускуланские беседы, III, 16, 34) и Августина (Против Фавста, 42): «Nullum aliud est malum.»

63 Менетий Агриппа, консул 503 г. до н.э., известный своей ролью примирителя в конфликте с плебеями в 494 г. до н.э.

Катон Порций Утический (95-46 г. до н.э.), республиканец, тщетно пытался противодействовать властолюбивым замыслам Цезаря.

64 Помпей был женат на дочери Цезаря Юлии и таким образом приходился Цезарю зятем.

65 Лукан. Фарсалия, VII, 550.

66 Корнелий Цельс. О медицине, II, 3.

67 См. примечание 63.

68 Сенека. Нравственные письма к Луцилию, I,1.

69 Цицерон. Об ораторе, III, 59, 221: «Образ души – лицо, а глаза - отражение её».

70 Луций Сергий Катилина (ок. 108- 63 г. до н.э.), организатор заговора против Цицерона; его внешность и характер описывает Саллюстий Заговор Катилины, XV, 4.

71 Сократ (469- 399 г. до н.э.), греческий философ; Лелий (Iв. До н.э.), друг полководца Сципиона Младшего; Марк Антоний (83-30 г. до н.э.), политический деятель, сторонник Юлия Цезаря; Аврелий Александр Север, римский император с 222 по 235 г. н.э.

Перевод с латинского

и примечания Л.М.Лукьяновой. Перевод сделан по изданию: Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae. Bern, 1610.

